

ОЧАРОВАНИЕ

Семен Грила

Очарование

«Безумство. Поупорствуем в нем».
Джойс «Улисс»

*«Умные речи и мысли уместны лишь перед
разумным обществом,
в обыкновенном же они будут встречены ненавистью,
– чтобы иметь в нем успех, безусловно необходимо
быть плоским и ограниченным.
В подобном обществе нам приходится идти
на тяжелое самоотрицание,
отказываясь от трех четвертых своего “я”,
чтобы уподобить себя другим».*
Артур Шопенгауэр

Как я не поехал в Исландию

Я мог, хотел, но не поехал. Страдания и отверженность мешали мне сосредоточиться на перемещении. На билетах, датах, локациях, углах обзора, целях путешествия – то есть на всем том, что делает туриста туристом.

Увидеть Рейкьявик было моей мечтой последние лет тридцать. Другая вселенная, как описывали ее многие, кто был. Очень хотелось в другую. Но не судьба. Возможно, в другой раз, говорил я себе, глотая виртуальные слезы и продолжая напряженно работать над проектом, который был мне совершенно неинтересен. Но деньги, деньги, мать их ети. Деньги были нужны. Этот стимул сметает почти все на своем пути, а до поры до времени – точно все.

Я находился в переходном состоянии от «деньги – императив» до «деньги – не главное». Впрочем, мы же себе всё придумываем. Поэтому наши иллюзии и есть наша жизнь, а совсем не то, что видится со стороны.

Солидол

Такая штука, как масло, только лучше. Смажь солидолом, говорили бывалые работяги, глядя на чьи-нибудь страдания с железками.

Виртуальный солидол, смазывающий душу, имеет много версий. Одна из них – алкоголь. Он помогает легально путешествовать в другие миры, не являться домой, спать с кем попало, говорить дерзости начальству, ну и все прочее, что делает сумасшедший человек. Он разгоняет тебя, но сжигает слишком много топлива.

И это я не о деньгах. Время: любой наркотик сжимает время. Кажется, что раздвигает, но это ошибка восприятия. Всегда кончается сокращением. Много раз проверено.

Как идти по этой спирали? Осторожно. Зачем? На этот вопрос нет ответа. Вернее, тут отвечает каждый себе сам. Но, конечно же, в чем он незаменим, этот самый алкоголь, он позволяет отстраниться, пропустить время мимо, разъединиться с событием, замкнуть себя на себя, ну типа как в детстве – чур я в домике.

И часто после выныривания вместе с абстиненцией и всем сопутствующим состоянию после употребления, если все прошло

правильно, появляется ощущение, что грузовик таки проехал мимо. Ну, конечно, в том случае, если на вас это лекарство от вечности еще действует. Если же нет, то тогда плохо, ибо вместе с абстиненцией придет еще опустошение, тоска и страх. А это прям совсем плохо.

Прокрастинация

У меня она называется Лидочка, до этого была Стелла. Это мои помощницы. Такие умненькие отличницы, которые прекрасно отвлекают, располагают, замещают. В целом не дают работать. Вернее, не дают отвлекаться от существования, делая что-нибудь за деньги.

Тут важно не увлекаться личными отношениями. Не просыпаться в одной постели. Это пошло, а главное – не решает основной задачи: отвлечение.

Смелые эксперименты с походами в театры и филармонии (особенно дерзкие – поездки на оперные и балетные показы в другие города). Тематические пикники на природе. Житье дачным образом. Или пляжным. Или туризм писательский. Или гастрономический. Вот это все требует подготовки, способностей, задора и драйва. Хотя задор и драйв – это, наверное, одно и то же.

Вот это все и придумывает Стелла, которая теперь на удаленке, используя записную книжку Лидочки. Ведь Лидочка из хорошей московской семьи и знает много людей, которых совсем не видно, но которые нужны в процессе организации всей этой нашей параллельной жизни.

Самое смешное во всем этом было то, что мне все это очень нравилось.

Лидочка

Геннадий Юрьевич стал все больше увлекаться досугом, пытаюсь забыть, что он пропагандист и агитатор, стараясь делать абсолютный минимум из своих обязанностей.

Будучи способным малым, он за день делал то, что надо было за неделю. Распихивал заседания по замам или участвовал по конференц-связи там, где можно. Остальное время посвящал хождению по баням, алкоголю и прочим девочкам.

Когда обязательная программа была выполнена, то дальше уже наш график исполнялся неукоснительно. Я всегда была старшим распорядителем. Я понимала в еде и готовке, а также в смыслах музыкальных и художественных. Мы составляли планы вперед на год, чтобы он мог их соблюдать, заполняя пустоты всем тем, что я описала выше. То есть обязательной программой, как я ее называла.

Я старалась пригласить в наши турне разных попутчиков, однажды им был даже бывший чиновник Минкульта – на пенсии, разумеется. Он знал миллион бак, и поездка с ним по неизвестным подмосковным музеям была незабываемой. Настолько, что Геннадий Юрьевич пригласил его в следующую поездку на Валаам.

Пенсионер

Я и не хотел ехать на Валаам. Я был там сто раз, делегации всякие по линии Минкульта возил. Но этот Геннадий пристал: «Нет, обязательно, Модест Олегович, мы вас очень просим».

Я бы отбил, но эта Стелла так на меня смотрела, что я потерял концентрацию и согласился. И вот мы едем.

Девочки с кучей коробок и котомок, их какие-то воздыхатели – то ли бывшие официанты, то ли почтовые служащие, черт их разберет.

Устроили меня шикарно. Каюта отдельная. Зачем это всё, думал я. Бесовщина какая-то. Праздные люди не знают, чем заняться, и придумывают себе занятия.

После ужина ко мне подходит Стелла и говорит:

– Вы сегодня смотрите не вздумайте уснуть.

– А что такое? – интересуюсь.

– Ну как же – вас убьют.

Вот так прямо и сказала. Я засмеялся, закрыл за ней дверь.

Стою ни жив ни мертв. Неужели правда? Не знал, что делать. Побежал к капитану. Он пьяный. Ну так, в меру. Может, просто устал человек. Он послушал меня, достал бутылку коньяка, налил мне. Выпили.

– Ночуй у меня, – сказал он. – А утром мы всю эту компанию арестуем.

– Так там, на острове, небось и полицейских нет, – сказал я.

– Ну один-то найдется. Плюс мои матросики. Не дрейфь, прорвемся, – и налил нам еще.

Стелла

Утром нас всех арестовали.

– Что ты наделала, сука! – кричала Лидочка.

Модест озирался, ничего не понимая. Геннадий Юрьевич держался безразлично. Похоже, не выспался.

– Пока как-то не очень весело, – сказал он мне.

Сейчас все будет, подумала я, и спросила сержанта:

– А что, собственно, случилось?

– Вот гражданин заявляет, что его хотят убить.

– Кто? – спросила я. – Кто заявляет?

– Вот он, – все посмотрели на Модеста. – Вот и капитан может подтвердить.

– Я знаю с его слов, – сказал капитан как можно тверже.

– Тогда расследуйте, – сказала я.

И сержант повел задержанных, то есть нас, и свидетеля, то есть капитана, и заявителя Модеста Олеговича в участок.

Стояла дивная осень. Золотые купола деревьев отражались в воде, ноги быстро промокли.

– Прямо как на экскурсии, – радостно сказала Лидочка.

– А кормить будут? – спросил Геннадий Юрьевич, наверное, умирающий без кофе.

– Все будет, – как можно уверенней сказала я.

Мы пришли в кабинет, и все расселись вокруг стола сержанта.

– Мне кажется, – сказал Геннадий Юрьевич, – что нас надо отправить в Петербург. Там много следователей, что вы тут будете мучиться. Вы нас будете сопровождать.

Сержант задумался: идея казалась ему перспективной.

– Мне оставить за себя некого, – сказал он. – Все в отпуске. Ладно, пойду позвоню начальству.

Я начала доставать термос. Вернулся сержант, сказал, что до вечера все равно передвигаться не на чем.

– Абсурд, – сказал Геннадий Юрьевич.

Я налила ему кофе.

Абсурд

Дальше я уже договорился с сержантом, и мы отправились все-таки на берег, чтобы съесть все, что мы привезли, а потом слушать Модеста с его апокрифами про великих.

Тут надо, наверное, было бы морализаторское чего-нибудь сказать. Но все были хороши. Ели, пили.

Потом Стелла и Модест признались в розыгрыше. Сержант был очень недоволен, что он не сможет ехать в Питер. Мы сказали, что можем сохранить все в тайне до города.

– Да, – махнул рукой сержант, – капитан все равно все разболтает. Дойдет до моей. Эх! – он еще раз махнул рукой.

Лидочка обняла его.

– Какой вы хороший, – сказала она.

– Ой, – сказал он. И отпрянул.

Все засмеялись, а Модест хрюкнул.

Спиртное кончилось, и капитан побежал на корабль. Все ждали его с надеждой, и он не подвел.

Все-таки вот это вот все хоть немного продлевает жизнь или заменяет в ней плохое на хорошее, сентиментально подумал я и обнял Стеллу. Она душевная, хотя и строгая. Но сегодня ее задумка была такая простая, что это оказалось мило, а не натужно, и сержант с капитаном не подвели – оказались нормальными ребятами.

Вон как хорошо гудят. Как пароходы.

На работу еще не скоро, подумал я, засыпая.